

ЛЕВ АВИЛКИН

Хайфа

КЛЯТВА ГИППОКРАТА рассказ

Эту реальную историю мне рассказал один фронтовик, которого сейчас уже нет в живых, а в то тревожное военное лихолетье ему всего-то было девятнадцать лет. Уже после войны он закончил факультет журналистики Московского университета и до самой пенсии работал в газете. Когда он рассказал мне эту историю, я порекомендовал ему опубликовать её в прессе, на что он ответил, что в условиях социалистической действительности никакая цензура её не пропустит, а если изменить конец и сделать его благоприятным, то теряется весь смысл истории.

Так и осталась она неведомой миру. Я же расскажу её с его слов, а поэтому буду рассказывать от первого лица.

Война всё дальше и дальше катилась туда, откуда пришла, на Запад. Вот уже несколько часов я слушал, как канонада боя удаляется от меня в западную часть горизонта. Совсем недавно бой был здесь, в поле, на котором я сейчас стою в ожидании тягача. Тягач должен оттащить два наших танка, две наших

Т-тридцатьчетвёрки на ремонтную базу. Эти два танка получили в бою незначительные повреждения, и после ремонта могут ещё войти в строй боевых машин. Мне, рядовому бойцу, заряжающему одного из них, было приказано остаться и охранять их. Изрытое траншеями и окопами поле, на котором я нёс свою «караульную службу», было совершенно пустынным. Только невесть откуда взявшиеся грачи, которым до войны не было никакого дела, беспечно щебетали в весеннем воздухе. Ранняя весна 1945 года! Близился победный конец войны. Фронт всё дальше и дальше катился на Запад. Там, в той стороне горизонта, гремел бой. Конвульсирующий враг ещё не сдавался, но уже ничто не могло остановить победную поступь наших войск. Отсюда и настроение у меня, как и у всех наших бойцов, было хорошее, даже приподнятое. Думалось о чём-то прекрасном, о будущей жизни, об учёбе после войны...

Закинув за спину свой ППП (пистолет-пулемёт Шпагина), я ходил вокруг подбитых машин, и в голове у меня звучала торжественная музыка Богатырской симфонии Бородина.

Прошло несколько часов, а тягачей всё не было. Да и когда они придут? Но... я выполнял приказ и охранял подбитые танки. А от кого охранял? В поле не было ни души, кроме щебечущих грачей. Мне стало зябко.

Вдруг я услышал скрип телеги и понукающий голос нашего «кашевара», как мы его называли, Ивана Лубкина, развозившего на своей подводе полковое имущество. В этот раз он вёз несколько термосов каши на передовую, чтобы покормить солдат. Подъехав ко мне, он остановил свою клячу, весело приветствовал меня и зачерпнула мне в котелок большую порцию наваристой горячей каши. Ах! С каким аппетитом я улетал эту кашу! Иван, свернув самокрутку, закурил и присел рядом.

– А что, не холодно тебе? Не озяб здесь? – спросил он меня.

– Конечно, холодно, – ответил я. – Не лето ведь ещё. Видишь, снег кое-где лежит.

– Так чего ты здесь маешься? – говорит Иван. – Кому нужны твои подбитые танки? Кто их украдёт? Вон сколько окопов! Залезай в любой и спи там. Тягачи придут – услышишь.

Сказав это, Иван повёл свою клячу дальше, на передовую.

– А что? – подумал я. – Иван прав. Не посидеть ли в окопе? Хоть от ветра укроюсь. Да и наблюдать из окопа за подбитыми танками можно несколько не хуже, чем на открытом месте.

И, проводив Ивана, я решительно направился к ближайшему крытому бревнами и ветками окопу. После котелка вкусной, густой каши я был сыт и намеревался отдохнуть.

Спустившись в окоп, я тут же в ужас отпрянул назад. Прямо на меня широко открытыми глазами смотрел живой немецкий солдат. Он лежал на полу окопа с искажённым от страха и боли лицом. Мне потребовалась секунда, чтобы совладать с собой и вскинуть для выстрела автомат. Ещё бы миг и я выпустил бы по нему очередь из своего ППП, но немец опередил меня криком по-русски:

– Не стреляй! Не стреляй! – и вскинул вверх руки, как это может сделать лежащий на земле человек.

Что-то остановило меня от выстрела, но я продолжал держать немца под прицелом. Немец, хоть и с заметным акцентом, но довольно чисто заговорил по-русски:

– Не надо стрелять! Я сдаюсь! Вот моё оружие! – и он указал на свой автомат, лежащий неподалёку. – Это всё. Больше у меня оружия нет.

Я взял его автомат, не выпуская из-под прицела своего, и строго спросил:

– Кто такой? Почему здесь прячешься?

– Я ранен, – ответил немец. – У меня перебиты обе ноги. Не могу даже ползти. Я вот уже сутки лежу здесь и несколько часов наблюдаю за тобой. Если бы я хотел тебя убить, давно бы сделал это без труда. Поверь мне. Я не хотел тебя убивать. И не только тебя. Я никого не хотел убивать.

В голосе немца чувствовалась какая-то интеллигентность и искренность, и я решил при первой возможности сдать его как пленного, тем более, что с перебитыми ногами и без оружия он мне был не опасен. О своём решении я сказал ему. Он обрадовался и сказал, что именно этого он и хочет.

Мало-помалу я успокоился, присел поодаль от немца, но свой автомат всё же держал на изготовке: всё-таки передо мной был враг.

Прошло какое-то время. Я периодически выходил из окопа, осматривал поле и возвращался назад. Немец всё это время лежал на земле.

Наконец, он попросил меня помочь ему сесть, прислонившись спиной к стенке окопа. Самостоятельно он этого сделать не мог из-за изуродованных ног. Я помог ему и сел рядом. Мы стали разговаривать. Немец говорил на очень правильном русском языке. С виду ему можно было дать лет 50-55. Из разговора с ним я узнал, что он был не последней скрипкой Гамбургского оперного театра, жил в Гамбурге, и у него там осталась семья. Кроме жены у него два сына, которые, по его словам, были не на много младше меня. А на фронт он попал по тотальной мобилизации. Германия катилась к неминуемому краху, и Гитлер гнал на фронт всех, не считаясь ни с возрастом, ни с профессией. Сам он в армии никогда не служил, воевать не умеет и не хочет. А сейчас он очень обеспокоен за своих сыновей, которых уже тоже, вероятно, угнали на фронт. Самой заветной его мечтой было дождаться конца войны и увидеть своих детей.

Так мы сидели и разговаривали. Тяжело было смотреть, как его мучила боль в ногах, но помочь ему я был не в состоянии. Оставалось сидеть и ждать. В разговоре я спросил, откуда он так хорошо знает русский язык. Он ответил, что несколько раз был в Москве, в Ленинграде и в Киеве с концертами, что он вообще любил русскую культуру, а русских композиторов Глинку, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского и других ставит в один ряд с Бетховеном и Вагнером.

– Я всегда с наслаждением и слушал, и исполнял симфонические концерты этих великих композиторов, – сказал он. – А что касается русского языка, то я с таким же успехом могу разговаривать с тобой и на английском языке.

– Как же вы, такие интеллигентные и образованные люди решились пойти на нас войной? – с детской наивностью, которую можно объяснить только моей молодостью, спросил я. – Столько горя нам принесли!

– Что ты, мальчик! Да разве я хотел с тобой воевать?! Да разве я хотел уничтожить тебя и твоих близких?! – с горечью ответил он. – Трагедия, случившаяся в Германии – это беда не только одного вашего народа, это трагедия всего человечества и, прежде всего, самого немецкого народа. Я же тебе уже говорил, что двоих таких, как ты, я оставил в Гамбурге. Где они сейчас? Что с ними?

И он застонал не то от боли, не то от воспоминаний о своих сыновьях.

Прошло несколько томительных часов. Тягачи всё не приходили. Я выглянул из окопа и увидел возвращающегося с передовой Ивана Лубкина. На телеге лежали три наших раненых бойца, среди которых был командир моей танковой роты майор Звонарёв. Он лежал с раздробленной правой ногой и тяжело дышал. Именно он, майор Звонарёв, приказал мне остаться и охранять танки до прихода тягачей.

– Всё, сынок! Я, кажется, отвоевался! – сказал он мне, как только я подошёл к телеге. – Как бы хотелось встретить конец войны в Берлине, да видно не судьба!

Я стал ему говорить что-то ободряющее, но в душе мне самому было очень тяжело видеть своего командира в таком бедственном положении.

Я рассказал о своём пленном немце и посетовал, что не знаю, куда мне его сдать, на что Иван быстро среагировал:

– Давай его мне. Я ведь везу раненых в медчасть, а по дороге буду проезжать приёмный пункт пленных. Он сейчас как раз ближе к передовой, так что я обязательно мимо него проезжать буду. Там и сдам твоего немца.

Я даже обрадовался такому обороту дела.

– Идём, – говорю, – в окоп. Он там сидит.

И мы вместе пошли в окоп.

Когда мы в него вошли, то застали немца в том же сидячем положении, в каком я его оставил. Без посторонней помощи он даже позу поменять не мог. А на Ивана вдруг нашло какое-то баловство. Иначе и не назовёшь. Вскинув автомат и направив его на немца, Иван закричал:

– Что, фашист?! Довоевался?! Вот я тебя сейчас!.. За кровь детей, за слёзы матерей!..

Надо было видеть, какой испуг отразился на небритом и измученном лице немца.

– Брось, Иван, – говорю я. – Он без оружия и тяжело ранен. Кошке – игрушки, а мышке – слёзки. Оставь немца в покое. Давай отнесём его к телеге.

– Нет, – зареялся Иван, – пусть сам ползёт. А не доползёт – пристрелю!

И немец пополз. Но уже через пару метров силы оставили его, и он замер недвижимым. Только тяжёлый стон вырывался из его груди.

– Ладно, Иван, не дурн, – сказал я. – Давай отнесём немца.

Мы донесли его до телеги и положили на землю. Здесь Иван опять стал куражиться над ним, сказав, что если немец сам не залезет в телегу, то он фашиста пристрелит. Услышав это, вмешался раненый майор Звонарёв:

– Без глупостей, ребята, – сказал он. – Поверженный и сдавшийся враг – уже не враг, а пленный, заслуживающий снисхождения. На телеге место есть. Кладите его. Я подвинусь.

Мы положили немца на телегу, и Иван, понукая лошадь, повёл её дальше, в тыл наших войск. Я долго смотрел им вслед, удручённый тяжёлыми мыслями о жестокостях войны.

Старшие возраста были демобилизованы сразу же по окончании войны. Мы же, мальчишки, ещё несколько лет тянули солдатскую лямку уже в мирное время. В 1948 году с моего согласия и по моему желанию я был направлен учиться на курсы военных журналистов в город Львов.

Однажды, в один из выходных дней, я, курсант этих курсов, с увольнительной запиской в кармане, шёл по одной из оживлённых улиц Львова. Впереди меня, опираясь на клюку, неторопливо шёл человек с протезом правой ноги. Что-то знакомое показалось мне в его облике. Как будто почувствовав мой

взгляд, он обернулся. Так и есть! Это же бывший командир моей танковой роты майор Звонарёв. Он тут же узнал меня. Как мы обрадовались встрече! Оказалось, он по ранению демобилизован и живёт со своей семьёй здесь, во Львове, работает в какой-то мастерской. Он сразу же, не допуская никаких возражений, пригласил меня к себе домой. Всё-таки встретились два однополчанина-фронтовика. Нас очень приветливо встретила его жена, накрыла на стол и поставила бутылку водки. Чего только мы с ним не вспоминали?! Всех перебрали из нашей роты, да и из нашего полка. Он рассказывал о себе и живо интересовался моей судьбой. Одобрил мой выбор учёбы на курсах, на что я сказал:

– Никак не демобилизуюсь, иначе я пошёл бы учиться на факультет журналистики какого-нибудь университета.

– Ты ещё молодой, – ответил он. – Сначала окончи курсы, а университет от тебя не уйдёт. Молодец! А я вот, видишь, инвалид. Ногу мне ампутировали сразу же, как Иван Лубкин доставил меня на своей телеге в медчасть.

– А помните, Николай Алексеевич, – назвал я его по имени-отчеству, – того немца. Вот повезло-то ему! Сейчас, наверное, он уже со своими детьми в Гамбурге.

– Какого немца? Уж не того ли, что вы с Иваном положили на телегу рядом со мной? – с какой-то грустью в голосе спросил он.

– Да, да! Того, того! Он ведь музыкант, скрипач из оперного театра Гамбурга. Я с ним долго разговаривал до вашего приезда. По-русски чисто говорит. Интеллигент, одним словом!

– А ему вовсе и не повезло!

– Как не повезло?! – воскликнул я. – Что случилось?

– А случилось вот что. Видно, не все врачи дают клятву Гиппократу. А если и все, то есть среди них и клятвопреступники.

– Да что же произошло? Расскажите!

И он рассказал следующее.

Пленного раненого немца по нашему общему замыслу Иван должен был сдать в пункт приёма пленных и далее везти наших раненых бойцов в медчасть, которая находилась два-три километра дальше в тылу. За время, пока Иван ездил на передовую, произошла дислокация, связанная со стремительным наступлением наших войск, и медчасть оказалась ближе к передовой, чем та часть, где можно было сдать немца. Немец был тяжело ранен, самостоятельно идти не мог. Значит, его надо было везти.

И тогда начальник медико-санитарной службы полка, врач по профессии, полковник медицинской службы и член Коммунистической партии сказал:

– Буду я ещё каждому фашисту подводу давать.

И с этими словами он достал из кобуры пистолет и тут же, прямо на телеге и на глазах у всех, тремя выстрелами пристрелил пленного.